

«Давление прозы» — характерный признак ранней московской поэзии. Поскольку, однако, стихотворцам этой поры приходилось считаться с естественно возникавшей инерцией раешника (не только метрическая сопоставимость, но и жанровая — в эпистолии) и поскольку они хотели эту инерцию преодолеть, чтобы утвердить стихотворство как высокий род словесного искусства, они обратились к «слову», проповеди, изложив неравносложным стихом тексты самых популярных в России писателей, например Василия Великого.¹² Преодоление инерции осуществлялось и с помощью других элементов, которые должны были подчеркнуть своеобразие и нетрадиционность нового литературного рода. Это — курьезный стих, «симфонический» у Евстратия и акrostих у И. А. Хворостина, Савватия и др. (в курсах поэтики сведения об акrostихе могли также читаться в разделе об эпиграмме, искусственной ее разновидности, основной признак которой — рисунок). Прежде русская литература знала только азбучный акrostих; ныне ей был представлен акrostих смысловой.

Таковы в общих чертах особенности «досиллабической» школы. Она не эволюционировала в классическую силлабику и продолжала существовать и в симонову эпоху, получив признание у пизовой интеллигенции и вырождаясь иногда в любопытные гибриды, какова, например, стихотворная версия «Кура и лисица», где использована и раешная, и «досиллабическая» техника. Импульс столь неожиданной метаморфозе дала безусловная автономность поэзии, которую ввел у нас Симеон Полоцкий. Изосиллабическое стихотворство утвердилось сразу и прочно, и продолжателям поэтических тенденций первой половины века не приходилось думать о преодолении инерции поэзии райка. Напротив, полезно было взять ее в союзники, чтобы в новых условиях сохранить место под солнцем.

Изосиллабизм проник в русскую поэзию еще до Симеона. Как установил А. В. Позднеев, его культивировали авторы, связанные с Новым Иерусалимом на Истре — любимым монастырем Никона, основанным им в 1656 г.¹³ Георгий Конисский писал в своем курсе поэтики: «Лирическая поэзия ведет название свое от лиры... и есть искусство составлять краткие стихотворения, которые первоначально пелись в честь богов, героев и знаменитых людей, потом прилагаемы были ко всякой материи. Лирики имеют предметом своим радость, торжество, обеты, увещания, похвалы и порицания... Песни эти называются по-гречески *óðai*, из коих одни прямо называются одами, другие гимнами, иные — дифирамбами. Гимны суть те, которые содержат хвалы богу и святым; оды, которые служат и другой материи; дифирамбы теперь могут петься на всякий радостный случай, в древности же они пелись в честь Бахуса».¹⁴ Песни, которые по польским и украинским образцам сочиняли в Новом Иерусалиме, — это духовная лирика, именно гимны. Если говорить о национальных традициях, то здесь, разумеется, использовалась литургическая гимнография (например, пасхальный канон в песне Германа «Ангельскую днесь вси радость»). В Новом Иерусалиме знали еще одну разновидность духовной

¹² См.: Х. Н. Лопарев. Описание рукописи Московского Чудова монастыря № 57—359. — ЧОИДР, 1886, кн. III, стр. 1—20 (в оглавлении статья названа: «Описание сборника Чудовской библиотски XVII века»). Ни одно из стихотворных «слов» не публиковалось.

¹³ А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII вв. (Из истории песенной силлабической поэзии). — Уч. зап. Моск. заочн. пед. инст., 1958, т. I, стр. 5—112.

¹⁴ Цитирую по статье: Н. И. Петрова О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии... — Труды Киевской духовной академии, 1867, № 1, стр. 83.